

ОКНА

АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА

№ 6 (156)
АПРЕЛЬ 2018

ЯЗЫКОМ АКАДЕМИИ

С иностранным языком (чаще всего это английский) у многих из нас сложные отношения с длинной предысторией. Есть среди нас те, кто начинал учить английский язык еще в те времена, когда знание его было довольно бесполезным атрибутом «любого интеллигентного человека». Есть те, кто начинал учить язык, играя в нерусифицированные компьютерные игры. Есть и те, для кого изучение языка – это не строгая учительница с учебником под мышкой, а фильмы, мультики, поездки в разные страны. В любом случае всех нас объединяет то, что в академической жизни мы практически не можем обойтись без знания английского, достаточного, чтобы открыть для нас возможности коммуникации с коллегами (через журналы и конференции) и студентами. А также то, что почти любой из нас в глубине души недоволен уровнем своего знания языка и считает его если не препятствием, то сдерживающим фактором в развитии академической карьеры. Конечно, нам приходится прикладывать больше усилий, чем носителям языка, чтобы снять все претензии по качеству текста у редакторов ведущих академических журналов. И существенно большее время тратить на подготовку к докладам на международных конференциях. С другой стороны, мы часто сильно переоцениваем роль акцента и каких-то лингвистических особенностей нашей коммуникации, которые в глобальном мире становятся все менее важными.

В сегодняшнем номере «Окон роста» участники программы кадрового резерва, прошедшие специально разработанный Центром академического письма Вышки образовательно-тестирующий модуль, рассказывают о своих отношениях с английским языком. И делают они это с помощью метафор. Думаю, многие из нас узнают в некоторых из этих метафор себя, а значит, нас ждет интересное чтение.

И как всегда, «Окна» выходят с приложениями, материал которых, мы надеемся, будет интересен не только сотрудникам Вышки, но и более широкой академической аудитории. Которая, кстати, в эти дни заполнит коридоры и аудитории Вышки: идет Апрельская конференция. Вышка на эти дни становится местом встреч старых академических друзей и коллег, формирования новых связей, появления новых идей.

Добро пожаловать в Вышку!

Мария Юдкевич,
проректор НИУ ВШЭ ■

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОБ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Практически любой академический человек интересуется тем, что происходит в его университете сегодня. Однако многие процессы и события нашей академической жизни корнями уходят в историю. Правильное их понимание часто затруднено без знания этиологии этих процессов, а также исторически обусловленных трендов в области университетского строительства.

Что же читать тому, кому интересна история российских университетов и кто хочет получить общее представление о ней и удовольствие от процесса познания? Директор Института институциональных исследований Мария Юдкевич составила список книг по истории российского высшего образования, которые вполне может понять не только специалист и не только историк. Перечень охватывает пятнадцать работ, посвященных трем периодам – дореволюционному, межвоенному и послевоенному.

Список опубликован на сайте Института институциональных исследований: <https://cinst.hse.ru/news/217783095.html>. ■

АНГЛИЙСКИЙ: МЕТАФОРЫ ОТНОШЕНИЙ С ЯЗЫКОМ

«Окна роста» предложили новым членам кадрового резерва рассказать о своих отношениях с английским языком через метафору.

Границы моего языка означают границы моего мира.
Людвиг Витгенштейн, 1924

FINDING YOUR ROUTE TO RESEARCH WRITING

Закончился образовательно-диагностический модуль для кадрового резерва “Finding Your Route to Research Writing”, организованный Центром академического письма Вышки. Более сотни преподавателей и молодых ученых прошли этот короткий модуль. Все они ставят перед собой амбициозные цели: подготовка статей на английском языке в ведущие мировые издания, перевод собственных монографий, учреждение международных журналов, организация и членство в международных лабораториях.

Одним из заданий модуля было нарисовать метафору собственных отношений с английским языком и определить сам процесс, а также роли учителя и ученика в нем. Поражает многообразие визуальных образов: участники представили много метафор, связанных с движением по дороге или со строительством этой дороги; некоторые метафоры связаны со специализацией слушателей и сложными системами: солнечная система, нейронные сети, социометрическая, алгоритмическая метафоры. Для кого-то английский – это один огромный лабиринт или зеркало. Кто-то нарисовал влюбленную пару, беззаботно гуляющую в парке английского языка в свете заката.

Интересно, что обучение часто ассоциируется с трудностями: перейти через мост с толпой народа, продрасть сквозь заросли, переплыть океан. Иногда это опасно для жизни: перейти через пропасть по канату, научиться дышать под водой и не тонуть, перепрыгнуть через костер. Несколько человек сравнили свой опыт изучения английского и необходимость его изучения с тюрьмой, тонущим кораблем и одиноким плаванием среди акул.

С педагогической точки зрения несомненный интерес представляет интерпретация резервистами процесса обучения английскому. Многие резервисты отдают главенство учителю, у которого часто много функций и ролей, а студентам предписана пассивная участь – сидеть, внимать и не мешать: садовник, спортивный инструктор или гид, всегда готовый помочь. В его арсенале есть спасательный круг, ценные советы и другие дополнительные «кирпичики» знания. Есть даже ассоциации учителя с молотком и хлыстом. Похоже, что это наследие традиционной методики преподавания языка (teacher-fronted) грамматико-переводным методом.

В ряде метафор резервистов делается акцент на взаимодействие участников процесса – например, театр, спортивная игра, экскурсия, которую разрабатывают вместе экскурсовод и турист. В этих картинах присутствуют как учитель, так и ученик.

Нельзя не заметить, что в некоторых метафорах наставника нет вообще, подчеркивается ответственность ученика за знание или незнание языка. Это – тенденция последних 5-7 лет у студентов, как отмечает Светлана Сучкова, которая имеет богатую коллекцию метафор преподавателей английского языка и студентов. Милениалы видят гораздо больше возможностей учиться самостоятельно: интернет, общение, фильмы. Метафорами такого рода были планеты солнечной системы, путешествия, прогулки по лесу.

Полина Жидкова, преподаватель департамента социологии факультета социальных наук

Если задуматься о том, чем для меня является английский язык, то на ум приходят два ответа: инструментом и другом. Английский появился в моей жизни еще до того, как я научилась писать прописью: у мамы была убежденность, что без этого языка мне в жизни будет сложно. И она оказалась права. Само обучение я могу сравнить с тернистым путем – долгим, извилистым, полным препятствий, вынужденных остановок, но этот путь был и продолжает быть неотъемлемой частью жизни. Учителя на этом пути были не только опытными наставниками, проводниками, но и партнерами: они показывали, как нужно выстраивать отношения с языком, чтобы его можно было сделать «своим».

Почему же я могу назвать его инструментом? В мире сейчас разворачивается много споров о том, является ли английский язык *lingua franca* на территории Европы, но мне кажется, что спорить здесь не о чем: можно ли сейчас представить развитие культуры, науки и технологий без этого языка? Он важен как на макро-, так и на микроуровне, на уровне каждого человека: благодаря высоким баллам по английскому языку можно получить доступ в лучшие вузы, знание этого языка дает доступ к важным и интересным научным текстам, к погружению в область знания, в которой ты развиваешься. Ни одна моя исследовательская работа не была бы возможной без чтения статей и книг, написанных на английском языке, без посещения конференций, без общения. Получается, что сейчас мало разбираться только в своем предмете, сейчас важно понимать, как вести коммуникацию о нем на английском языке.

Однако мне не кажется, что настолько утилитарный подход до конца справедлив. Я действительно готова назвать английский язык своим другом, потому что с ним связаны не только учебные и рабочие моменты, с ним связаны яркие моменты жизни. Общение на английском языке помогло мне влиться в коллектив во время учебы в Германии, на этом языке я каждый

месяц переписываюсь со своей подругой из Швеции, я могу позволить себе путешествовать по всему миру и предполагать, что почти в каждом уголке планеты найдется человек, который поймет меня, если я заговорю с ним по-английски. Получается, что английский язык – мой главный спутник. И за его преданную и честную «службу» мне хочется называть его другом. Можно даже сказать, что мы развиваемся вместе: как и любой язык, ему приходится меняться в соответствии с временем, а я стараюсь поспевать, учить, углублять знания и не подводить его своими ошибками и недочетами.

Евгений Иванов, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации

Когда я засел за этот текст, мне вспомнился забавный случай. Еще в школе на одном из первых уроков английского (сразу огорюсь: далее речь пойдет о британском варианте) учитель спрашивала класс, с чем вообще ассоциируется Великобритания?

- Чай с кусочком пудинга, – бойко ответила Маша.
- Футбол! Англия – родина футбола, – подхватил Андрюшка.
- И бокса! – влез щекастый Миша, ходивший в секцию.
- Доджик и туман, – добавила Ирочка.

Дальше по списку был перечислен полный набор избитых стереотипов: саркастический юмор, выдержка британцев, их приверженность традициям, «Овсянка, сэр!» и прочая ерунда. Наконец очередь дошла до меня, я встал и помпезно выдал: «Great Britain is the empire on which the sun never sets!» Видимо, маленький политолог жил во мне уже тогда. Выбитая из привычной колеи, учитель проигнорировала мой выпад, продолжая перебирать примеры из заготовленного ей списка.

Британия Британией, а что же язык? Английский уже давно перерос родные острова и стал глобальным языком общения. В наше время знать английский – это иметь возможность говорить на языке, над которым никогда не заходит солнце. От Новой Зеландии до Канады, от Шетландских островов до мыса Доброй Надежды. От роскошных кварталов Лондона до «боталки» в вышкинском общежитии.

Учить английский – это открывать новые миры. Шагая по планете, английский дарил миру свои слова и смыслы, как губка вбирая богатство других языков и культур. Через английский к нам пришли слова со всего света: бумеранг и кенгуру – из языков австралийских аборигенов, гамбургер – из немецкого, биф (мясо) – из французского, кетчуп – из малайского, пажма и бунгало – из хинди, зеро – из арабского.

Миры английского не ограничиваются голубым шариком планеты Земля. Освоив язык только в студенческие годы, я ринулся наперстыгать упущения юности. Начал читать Киплинга и Оруэлла в оригинале. Проглотив The Jungle Book, я был шокирован тем, что Багира не девочка, как показано в советском мультфильме, а мальчик. Жизнь после такого, конечно, не могла быть прежней. Читать книжки и смотреть фильмы в оригинале – особое удовольствие. У ценителей появляется больше ключей к пониманию произведения. И вот уже профессор Дамблдор из серии о Гарри Поттере превращается в профессора Шмеля, что оттеняет черточки его характера. А персонажи из «Игры престолов» гомонят на десятке диалектов, что подчеркивает пеструю географию Вестероса.

Английский настолько богат и многообразен, что мои отношения с ним не передать одной метафорой. Для меня как исследователя английский ни много ни мало рабочий язык. Вот уже пять веков политическая наука прирастает языком Гоббса и Локка, Даля и Хантингтона. Поэтому я по-прежнему корплю над английским. Желание мыслить с гигантами науки на одном языке

гонит меня вперед. Ведь постигать английский – словно пробираться через туман к старинному поместью, затерянному в вересковых пустошах Йоркшира. Сначала едешь тихо, петляешь во множестве неожиданных поворотов, но в конце пути ждет награда – поросший густым мхом особняк с самой большой в мире библиотекой.

Александр Мишура, преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук

Где-то в возрасте шести лет меня бросили в небольшой бассейн с английским. Я воспринял это скорее как игру и не особенно внимательно учился плавать, хаотично размахивая руками и ногами, чтобы просто не утонуть на очередной контрольной. В бассейн подливали воду, но это происходило настолько незаметно, что я прозевал момент, когда потребовалось самостоятельно держаться на воде, когда английский перестал требовать перевода, а стал сам собой понятен. Другой вопрос, что большой проблемой для меня было и остается несовершенство технических навыков плавания. Одно дело – лениво плыть по течению чужой речи или текста, другое дело – самому задавать направление, рассекать массивы английского длинными и красивыми предложениями. Я вроде и могу далеко плавать, но движения мои отличаются повышенной неуклюжестью, а иногда я просто начинаю тонуть и с трудом доплываю до берега, отплываясь от заплетающих язык слов.

Так я и качаюсь по волнам аудиолекций и специальной литературы, периодически пытаюсь побарахтаться собственными силами. Иногда меня посещают мысли отправиться к профессиональным тренерам, которые поставят мне технику плавания, избавят мои движения от повышенной неуклюжести и корявости. Но сделать это мне мешает наличие некоторых предрассудков в отношении английского. В частности, мне кажется, что плавать как рыба можно, только если ты родился в английском океане, а разного рода техника мало применима к этому аморфному и презирующему всякую систематику обыванию. С другой стороны, более опытные в английском и заслуживающие доверия русские рыбы недавно заявили мне, что, вообще-то, есть и система, и техника, а также дали несколько практических советов, которые я сейчас подумываю опробовать на практике.

Евгений Неверов, ассистент кафедры теории и истории права факультета права

Изучение языка для меня всегда было сродни занятиям спортом. Главная цель в этом деле – своего рода тренированность, а основные стратегии – это постепенность и регулярность. Идти нужно от простого к сложному: сначала базовые элементы, а потом уже сложнокоординационные упражнения. Стоит пропустить несколько тренировок, и тонус языковых «мышц» пропадает: активный словарь скудеет, фразы становятся сложнее извлекать из памяти, грамматика рассыпается. После длительных перерывов тренированность вовсе может пропасть. В таком случае приходится повторять пройденный путь, заново учить забытое, снова приходить в нужное состояние сознания. Слышал, что некоторые спортсмены заводят дома мотивационную миску с рисом: после каждой тренировки спортсмен кладет в нее одно зернышко, но, если пропускает занятие, выбрасывает все содержимое. Я не пробовал, но думаю, что для изучения языка такая наглядная модель тоже вполне подойдет.

Продолжение читайте на сайте

[OKNA.HSE.RU](http://okna.hse.ru)

ЕЛЕНА ШАКИНА

DIGITAL NATIVES

Эта колонка, наверно, отличается от всего того, что я писала раньше. И впервые я не знала, о чем буду писать, пока наконец не решилась закрыться в своем кабинете, не отвлекаться на поток бесконечных дел, приближающихся дедлайнов, кофе с коллегами и многое другое, что я бесконечно люблю, но что иногда не позволяет остановиться и просто подумать, осмыслить то, что происходит вокруг.

И именно сегодня мне очень хотелось бы поговорить о том, что нас окружает, становясь каждый день источником знаний, идей, открытий, но при этом влияет на нас и иногда может исказить наше восприятие реальности. Я хочу поговорить об информации, которая все большим потоком врывается в нашу жизнь.

Мое поколение еще помнит мир, который не был столь насыщен ей, когда преимущества получали те, кто по той или иной причине имел доступ к информации, недоступной другим. Я помню, что, когда только поступила в университет, мы искали книги, записывали за преподавателями лекции, затем копировали их и распространяли среди друзей и однокурсников. Тогда весь процесс учебы становился увлекательным квестом, а мы искали, делились тем, что удалось раздобыть и узнать. Мы были открыты абсолютно ко всему, не подвергая сомнению ничего, что нам приходилось прочесть или услышать. Я очень хорошо помню учебник, который был переведен на скорую руку с английского языка. Мы получили новые, только что отпечатанные в типографии экземпляры и были очень счастливы. В этом учебнике, как мы выяснили позже, было огромное количество орфографических и содержательных ошибок, опечаток. Но мы не замечали ничего. Потому что эта книга – единственный для нас на тот момент источник знаний.

Прошло всего 15 лет, и мы живем в совершенно новом мире, мы больше ничего не ищем, все само плывет к нам в руки, и, кажется, теперь нет никаких проблем за секунды получить ответ на любой волнующий вопрос. Но в чем же опасность нового информационного цифрового общества? А в том, что мы просто не способны обработать тот информационный поток, в который окунаемся каждый день. Мы не можем отделить факты от мнений, истину – от ее интерпретации. От нас, как никогда ранее, требуется критичность мышления. Причем это должно стать нашим помощником, а ни в коем случае не препятствовать восприятию всего нового и того, что не вписывается в наши представления о жизни. Но выросли и сформировались многие из нас совсем в другом обществе. Мы настолько научились ценить новую информацию и не искать ей альтернативу,

что рискуем серьезно заблудиться в этом лесу. Совсем другой пример показывает поколение, которое называют сейчас digital natives. Это поколение, которое не знало мир без интернета и ориентируется в потоке информации гораздо лучше тех, в жизнь которых он вошел постепенно и уже в осознанном или даже взрослом возрасте. Сейчас почти все наши студенты – представители digital natives.

Итак, примеры событий, которые стали особенно яркими инсайдами для меня в последнее время. В этом году я достаточно много преподавала. Передо мной в аудитории сидели бакалавры, магистранты, студенты других факультетов, иностранные студенты, которые приехали в Вышку по обмену. Действительно великое разнообразие. Но несмотря на это разнообразие было одно характерное для всех моих студентов качество. Почти все мои слова и мысли подвергались критике. Любой факт, который аудитории казался спорным, они тут же «гуглили» и через минуту выдавали порой противоположные факты, доказательства и мнения, не давая мне продолжить лекцию и меняя сценарий наших занятий. Были моменты, когда меня это даже раздражало и злило. Ведь я просто к такому не была готова. В своей голове я обвиняла студентов в отсутствии уважения и даже этики. Вспомнила, как мы когда-то сидели на лекции и впитывали как губки все, о чем там говорилось. Пока ко мне не пришло понимание. Понимание того, что для сегодняшних студентов я теперь просто один из множества информационных источников, и у них нет никакой причины доверять мне больше, чем всему остальному. Что диалог и постоянный процесс критики – это и есть тот новый процесс познания, который для цифрового поколения стал естественным и наиболее правильным. И дело здесь совсем не в этике и воспитании. Они именно так взаимодействуют с новым миром, а мы, преподаватели, лишь являемся его частью. И даже то, что мы постепенно меняем подходы к преподаванию, понимая, что теперь наша задача – стать не источником знаний, а лишь гидом в этом огромном информационном мире, мы НЕ ПОМЕНЯЛИ свое отношение. Критика, а иногда достаточно прямое и резкое несогласие с тем, что мы говорим, до сих пор болезненный и неприятный процесс. Для меня, по крайней мере, это именно так. Но несмотря на то, что этот опыт для меня не самый простой, я очень благодарна своим студентам, ведь они нас учат ничуть не меньше, чем мы их.

Не уверена, что студенты Вышки читают эти колонки, но, если вдруг это произойдет, я буду рада донести до них эту благодарность и сказать, что именно студенты для нас становятся главным стимулом к развитию. Что именно они станут причиной того, почему преподаватели, университет и наша роль в нем будут существенно меняться.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Иллюстрации Василия Храмова.

Перепечатка и воспроизведение материалов бюлетеня «Окна академического роста» возможны только с разрешения редакции.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>. Дата выпуска: 12.04.2018.